

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В ЗЕРКАЛЕ
ЭГО-ИСТОЧНИКОВ:

практики
описания

УДК 94(470)"1914/1918"
ББК 63.3(2)534–68
П26

*Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 19-18-00221)*

*Рекомендовано к печати Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН*

Научный редактор:
д-р ист. наук Н. В. Суржикова

Рецензенты:
д-р ист. наук, профессор О. С. Поршнева
д-р ист. наук, профессор Е. Ю. Рукосуев

П26 **Первая мировая война в зеркале эго-источников: практики описания** / [вступ. ст.: М. А. Литовская и О. Л. Лейбович ; подгот. текста и коммент.: Е. Ю. Лебеденко, Д. А. Лобанов, Н. А. Михалев, Л. Г. Ощепков и Н. В. Суржикова ; науч. ред. Н. В. Суржикова]. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 415 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-2372-6

В сборнике представлены письма, дневники и воспоминания рядовых участников Первой мировой войны, публикующиеся главным образом впервые и позволяющие исследовать проблемы антропологии войны и военной повседневности. Кроме того, документы сборника экзистенциализируют различные практики описания войны, сформированные как жанровыми отличиями эго-текстов, так и неравноценностью довоенного и послевоенного социального статуса их авторов.

Книга адресована широкой аудитории читателей, интересующихся военной историей, историей России и историей XX века в целом.

УДК 94(470)"1914/1918"
ББК 63.3(2)534–68

Участие в работе над сборником принимали:
Государственный архив Пермского края,
Пермский краеведческий музей,
Ильинский районный краеведческий музей,
Объединенный музей писателей Урала

ISBN 978-5-8243-2372-6

© Авторы-составители, 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Человек на Великой войне: впечатления, переживания, память (вместо предисловия)	5
Археографические замечания	25
I. ПИСЬМА: РЯДОВЫЕ ПИШУТ ДОМОЙ	
«Смерть ожидаю каждую минуту...»: письма Максима Степановича Осиновских, рядового (младшего унтер-офицера)	29
«Жалею, что не дома, не в кругу родной семьи...»: письма Александра Петровича Путилова, рядового	54
«У меня жизнь не завидная, никому не пожелаю такой...»: письма Александра Ивановича Полякова (Исетского), рядового	80
II. ДНЕВНИКИ: ВОЕНВРАЧ, КОРНЕТ, РЯДОВОЙ И ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ	
«...Сейчас же ясно представилось что меня убьют»: дневник Владимира Николаевича Щеглова, корнета	99
«Это какой-то ад...»: дневник Михаила Михайловича Бажанова, военного врача	194
«Когда только кончится это мученье, эта война...»: дневник Александра Дмитриевича Сереброва, рядового	227
III. МЕМУАРЫ: ОФИЦЕРЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ ВСПОМИНАЮТ	
«Солдаты выбивались из сил»: воспоминания Михаила Павловича Матвеева, младшего офицера	263
«А война все продолжалась, и не было видно ей конца...»: воспоминания Николая Григорьевича Щипицына, младшего офицера	281
«Пока сам не побываешь на войне, войны не поймешь»: воспоминания Александра Васильевича Ошева, младшего офицера	306
Список аббревиатур	415

ЧЕЛОВЕК НА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ПЕРЕЖИВАНИЯ, ПАМЯТЬ (вместо предисловия)

Война 1914–1918 гг. в традиции российской словесности

Среди документов, порожденных разного рода историческими событиями XX в., эго-тексты занимают особое место. В эпоху, когда грамотность оказалась доступна людям разного достатка и социального положения, а человек пишущий перестал удивлять, письма, заметки и дневники «изнутри» события, воспоминания разной степени отдаленности от прошлого создаются во множестве и благодаря разности взгляда пишущих дополняют факты, уточняют и опровергают детали, сохраняют мнения и словечки прошлого, вводят новые повороты в его интерпретацию, иными словами, позволяют усилить многомерность и неоднозначность когда-то происходившего.

Общим местом стало утверждение, что Первая мировая война – огромное по значимости событие, в России оказалась полузабытой, вытесненной революциями, Гражданской войной и последующими катаклизмами XX в. В 1928 г. М.Н. Покровский опубликовал сборник своих статей и заметок о мировой войне. Предисловие к нему он начал словами: «Империалистская война у нас в СССР забыта больше, чем где бы то ни было, не только больше, чем в самом материальном образе несущей ее тяготы Германии, но даже больше, чем в Соединенных Штатах, которых война коснулась раз в десять легче, чем старой России. Две революции, Февральская и Октябрьская, и гражданская война закрыли в памяти современников то, что было раньше, ибо все более раннее отрезано от последующего у нас так четко, как нигде в другом месте»¹.

Для европейцев эта война, чье окончание ежегодно торжественно отмечается, стала главной Великой, породив огромное число мемориалов, фильмов, книг, картин, которые оплакивают жертв массовой «бойни», воспевают подвиги, призывают к памяти. Романы писателей-фронтовиков Эриха Марии Ремарка, Эрнеста Хемингуэя, Ричарда Олдингтона, Ярослава Гашека и десятков других, менее знаменитых, дали миру столь яркие образцы «окопной

---

¹ Покровский М.Н. Империалистская война: Сборник статей. 1915–1927. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. С. 7.

правды» этой войны – от лирических до сатирических, что, кажется, сказали о ней едва ли не все.

Русское искусство в конце 1910-х гг. ушло в сторону от европейского и американского и, «замешенное» на своих проблемах, явно заменило метафизика знаменитого «потерянного поколения» драмами «рассеяния» (в искусстве Русского Зарубежья) и «хождения по мукам» (в искусстве советской России). Тем не менее в русской культуре Первая мировая война оставила свой мощный след, который качественно отличался от «западного» в первую очередь тем, что никогда с 1917 г. она не изображалась как событие самодостаточное, а только лишь как предвестие наступления очередного этапа российской «суровой эпохи». Кажется, ни один крупный русский роман о судьбе человека первой половины XX в. на фоне судьбы страны не избежал более или менее детального изображения событий 1914–1918 гг. В «Тихом Доне» Михаила Шолохова, «Хождении по мукам» Алексея Толстого, «Докторе Живаго» Бориса Пастернака, «Городах и годах» Константина Федина, «Брусиловском прорыве» Сергея Сергеева-Ценского, «Капитальном ремонте» Леонида Соболева, «Тяжелом дивизионе» Александра Лебеденко, «Юношеском романе» Валентина Катаева и множестве других авторы проводят своих героев через формирующую их войну, «дарят» им свои воспоминания и наблюдения о ней. Участники Первой мировой войны посвятили этому отрезку своей жизни также многочисленные повести и рассказы, среди которых «Война» Николая Тихонова, «Малиновые юнкера» Николая Брыкина, «Поручик Архангельский» Михаила Слонимского, «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» Михаила Зощенко.

Практически всегда за спиной советского автора, показывал ли он войну изнутри или предлагал историософское размышление о ее роли в мировой истории, ощущаются две неравнозначные для культуры, но важные для литературной жизни фигуры: Льва Толстого с заданной им установкой на «эпопейность» в изображении войны и советского цензора, который требует от автора соответствия официальному пониманию истории: несправедливая, захватническая «война империалистическая» перерастает в «войну гражданскую», участие в войне для героев (и страны) означает не столько крушение старых надежд, сколько является началом отсчета нового порядка жизни. Изображение большой войны должно было неизменно подниматься на идейную высоту классового толкования истории¹.

В советской исторической политике 1920-х – 1930-х гг. мировая война рассматривалась в двух перспективах: как преступление империализма и преддверие социалистической революции в России. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» война представлена таким образом: «Будучи отражением общего кризиса капитализма, война обострила этот кризис и ослабила мировой капитализм. Рабочие России и партия большевиков оказались

---

¹ Концепцию Первой мировой войны, альтернативную официальной, но также отвечающую в первую очередь на вопрос о причинах революции, предложат авторы Русского Зарубежья, Александр Солженицын в «Красном колесе» и многие другие.

первыми в мире, которые с успехом использовали слабость капитализма, прорвали фронт империализма, свергли царя и создали советы рабочих и солдатских депутатов»¹.

В такой идеологической ситуации не было возможности ни для строительства памятников павшим, ни для торжественных траурных церемоний, ни для создания мест памяти на территории былых сражений, ни для полноценных музейных экспозиций. В библиотечных каталогах документальные повествования о мировой войне размещались в рубрике «Россия в годы первой мировой войны. Нарастание революционного кризиса. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г.».

Конечно, в советскую эпоху публиковались мемуарные свидетельства о войне: «Записки из плена» Кирилла Левина, «По следам войны» Льва Войтоловского, «Народ на войне» Софьи Федорченко. Но даже книга «Народ о войне», написанная в форме коротких – в несколько строк – записей «солдатских бесед», рассказов солдат о себе и о жизни, о войне и мире, о своих и врагах, по сути, тяготеет к генерализации – обобщенному изображению характера русского человека. Пожалуй, только высоко оценивший книгу Александр Блок («Выходит серо, грязно, гадко, полно ненависти, темноты, но хорошо, правдиво и совестно»¹¹) избежал обобщающей характеристики содержания книги как собрания народной мудрости в момент «полной душевной откровенности каждого, слово которого было услышано и записано»¹². Сама же автор позже признавалась, что откровенности-то особой не было, читатель получил текст, в котором военные впечатления сестры милосердия и представления интеллигентной женщины о народе воплотились в рассказы, стилизованные под «почти стенографические записи» солдатской речи¹³.

В государственных и семейных документальных коллекциях сохранилось относительно малое количество письменных памятников. И дело здесь не только в советских партийно-государственных практиках забывания Великой войны. Срабатывали и дополнительные факторы.

В солдатах русской армии служили сотни тысяч неграмотных мужчин призывных образцов¹⁴. Процент грамотных среди принятых на военную службу в 1913 г. – 67,8 %¹⁵. Заметим, что в состав грамотных входили люди,

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1953. С. 173.

¹¹ Блок А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 411.

¹² Лидин Вл. Друзья мои – книги. Заметки книголюба. М.: Книга, 1966. С. 227–228.

¹³ Цит. по: Глоцер В.И. К истории книги С. Федорченко «Народ на войне» // Русская литература. 1973. № 1. С. 153–154.

¹⁴ См.: Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 152–155.

¹⁵ Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки. М.: Государственное статистическое изд-во, 1956. С. 304.

умеющие кое-как разобрать простой текст, по слогам прочесть несколько строк и подписать свое имя¹.

Для многих из них весь опыт написания писем ограничивался церковными практиками – подачей записок в храмы для совершения треб – священнодействий по частным нуждам: молитвам во здравие или за упокой.

В образованных же классах так и не сложился общепринятый эталон, что и как писать о происходящей на их глазах войне. Можно согласиться с мнением современных отечественных историков, что «балованные современники» ее «не впустили в личную жизнь и сознание. Сохранившиеся свидетельства эпохи (дневники, письма, воспоминания) дают сходный психологический рисунок: патриотический подъем в августе–сентябре 1914 г., затем война “пропадает” из поля зрения автора до конца 1916 – начала 1917 г., когда тема войны опосредованно всплывает в форме раздраженной критики власти из-за угрозы материальных нехваток, дезорганизации снабжения, выдающей недовольство привыкшего к сытости обывателя»^{II}.

Журналисты, прозаики, поэты во время войны (при всех отдельных удачах) не смогли выстроить сколько-нибудь влиятельные модели описания воинского окопного быта, боевых столкновений и, самое главное, чувств и переживаний человека на войне столь громадного масштаба. «Казенные» публицисты довольствовались расхожими формулами, созданными совсем в иное время о «солдатах», идущих безропотно погибать за веру, царя и Отечество, о «наших серых героях, творящих подлинные чудеса»^{III}. В результате даже хорошо образованные участники Великой войны были лишены внятных образцов, на которые могли бы равняться в дневниках, письмах и мемуарах. В такой ситуации в обществе доминирует культура молчания. Войну наблюдают, в войне участвуют, но о войне мало говорят и еще реже пишут. Надо вспомнить и приводящие обстоятельства, о которых унтер-офицер писал родным: «Взять негде бумаги, сами знаете, в окопах, в земле негде взять» (Осиновских, № 17).

Написано было немного, сохранилось и того меньше. И поэтому историкам приходится собирать буквально по крупицам свидетельства давно ушедшей эпохи. В сборнике, предлагаемом вниманию читателей, представлены различные жанры эго-документов, объединенных темой – война

---

^I «При наборе 1913 года из селений Томского уезда призывная комиссия установила: только четверть новобранцев умела и читать, и писать. Еще 18 процентов, хотя и знали буквы, но ни писать, ни даже быстро и связно читать не могли. Совершенно неграмотными оказалась почти половина явившихся на призыв (о грамотности 8 процентов источник сведений не дает)» (Зверев В.А. «Бравы ребяташки». Землякам в святцы // Советский воин. 1993. № 2. С. 63–65).

^{II} Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и Первая мировая война: Материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Булавин, 1999. С. 62.

^{III} См.: Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. С. 43.

1914–1918 гг. Все авторы этих документов были одеты в солдатскую или офицерскую форму, находились на боевых позициях, являлись непосредственными участниками военных действий.

На авторитетном литературном фоне концептуализированных прочтений военных событий тексты, представленные в этой книге, обладают качеством литературной неискушенности. Их авторы – далекие от искусств участники Первой мировой войны. Хранящиеся в архивах и музеях листки, каждый со своей частично восстановленной исследователями историей, дают читателю возможность взглянуть на войну со стороны тех, кто описывает ее только потому, что или прямо в ней находится и ее непосредственно проживает (письма и дневники), или – по разным причинам – считает ее значимым событием своей биографии, которое нуждается в фиксации (воспоминания).

Составляющая исключительно «мужской сборник», большая часть публикуемых текстов сохранилась в первоизданном виде, два из них принадлежат погибшим на войне людям (Осиновских, Щеглов). Но даже в случае возможной правки документы сохранили особенности речи и миропонимания авторов, принадлежавших к разным сословиям дореволюционной и пореволюционной России. В них ярко проявляется сложность российской многоукладности, пропасть между «высшими» и «низшими» сословиями, досоветскими и советскими людьми.

Письма: рядовые пишут домой

Первые тексты в подборке – письма солдат-крестьян – предсказуемо трудночитаемы: косноязычие, ошибки, клише, повторы выдают письменную речь плохо образованных людей, которые, тем не менее, стремятся выполнить одну из важных обязанностей грамотного солдата – извещать близких о своей армейской жизни.

18 писем крестьянина села Култаево Пермской губернии Степана Егоровича Осиновских, вновь призванного на воинскую службу в качестве «запасного нижнего чина», датированы 1914 г., в последний месяц которого он был убит. Личность автора писем особого склада. Ответственный глава большой семьи, человек музыкально одаренный, он закончил курсы духовного и светского хорового пения, устроенные Пермским губернским комитетом попечительства о народной трезвости, возглавлял местный церковный хор.

Добропорядочный, заботливый и эмоциональный, Осиновских соблюдает все формальные правила создания «подобающих» писем домой с подробным перечислением родных, поклонами, наказаниями. Длинные перечисления в самом начале письма родственников и свойственников по структуре подобны прошениям на совершение треб – священнодействий по частным нуждам, в данном случае – за здоровье. Глубоко верующий, он повторяет из письма в письмо неизменное наставление-заговор всей семье: «Но главное не тужите и не плачьте обо мне, а только молитесь Богу и ты Хресна молись

за меня и Бог услышит твою молитву и я приду домой» (Осиновских, № 1). Находясь в действующей армии, он мыслями продолжает жить дома и постоянно дает практические «наставления» жене – лечить сына, подавать прошение губернатору о воспомоществовании и т. п.; даже возможность получить Георгиевский крест радует его потому, что в случае гибели солдата семья «будет получать за этот крест пенсию» (Осиновских, № 18).

О себе он немало сообщает родным, возможно, из-за откровенного стиля общения в семье, возможно, из-за своей новой социальной – солдатской – роли, с которой пока не может освоиться. Он не только перечисляет населенные пункты по пути на фронт да соседей, которых встретил на войне, что характерно для подобных писем, но обстоятельно описывает сложности фронтовой жизни: «походы делаются очень большие... так что ноги все намозолили и намяли, идти не могут, но вынуждают идти даже хлещут, два дня шли голодом без чаю и без хлеба, купить бы да нету, и наши деньги не берут, казенные хлеба сейчас выдают только по полфунта в сутки и больше ничего. Едим только одну картошку да и то без соли»; «лежали на полях ночью и так вымерзли, просто беда и погода стала холодная, и так все время спим на улице, а ночи холодные все испростыли» (Осиновских, № 7). Но раз позвали на войну, надо идти: «Нужно же кому-нибудь защищать Веру православную, свою родину, и царя Батюшку» (Осиновских, № 4). Если убьют, такова воля Божья: «Ну, хотя меня и убьют, так убьют на войне, а не где-нибудь пьяного» (Осиновских, № 1).

В общем войну он оценивает как «мученье, и рады уже скорее вступить в бой» (Осиновских, № 7). Вот только враги – австрийцы вызывают у него не вражду, а жалость и любопытство, и он подробно сообщает родным свои впечатления от них: «На австрийцев вот беда им, сами бежат из домов своих, а хлеб подбирают ихние войска и наши, есть им положительно нечего, которые бедные с маленькими робятишками скрываются в лесу, ночью холод, дождь, приедут обратно домой есть нечего, питаются только одной картошкой и без соли, соли даже нет, вот им беда уж настоящая, да которые деревни те вовсе сожжены да и так то народ очень бедный, рубахи носят длинные белые и штаны тоже белые, в шляпах, бороды бритые, курят трубки длинные, народ не опрятный» (Осиновских, № 10).

О ходе войны солдат знает мало, ждет об этом вестей из дома так же, как и семейных новостей: «...страсть как охота получить от вас письмо и узнать, что делается в России, и как воюют с Германией ничего нам не объясняют и живем как темные люди не знаем какой день и какое число» (Осиновских, № 8).

В отличие от чувствительных эмоциональных посланий Степана Осиновских письма крестьянина Александра Путилова – краткие, довольно формальные, написанные как будто только для поддержания минимального социального контакта, раскрывают совсем другой человеческий характер. Обращаясь то к родителям, то к «Дорогим Товарищам и барышням, с Вашими милыми семействами», он скупо информирует о том, что скучает, лишь единожды создав яркий словесный образ: «Сегодня день моего Анге-

ла в горах как в ковше». То небольшое, что солдат считает заслуживающим упоминания, – это краткое описание общения с войсками союзников: «Ходим друг к дружке в гости, разделяет нас одна лишь стена / писаря славные, но только не понимаем друг друга, а разговариваем через переводчиков» (Путилов, № 11).

Путилов также не забывает передавать приветы близким, поздравляет с праздниками, но никакого религиозного чувства не обнаруживает. В почтовых открытках он штрихами набрасывает автопортрет молодого задорного парня, грамотного, наблюдательного, дерзкого, затронутого современной ему городской цивилизацией. Он знает, что «свободным гражданином» быть хорошо и правильно, но службу нести нужно. И хорошо, что есть «союзные армии» и «полк наш находится больше все в боях, дерется геройски, имеет отличие» (Путилов, № 5). Война для него прежде всего приключение.

Что случилось с Путиловым после того, как он поздравил родных с новым 1917 г. и пожелал окончания Великой войны, неизвестно.

Письма А.И. Полякова – в будущем довольно известного на Урале писателя А.И. Исетского – при всей их малограмотности (в частности, автор писем принципиально избегает мягкого знака) отличаются по-своему стройным лаконичным слогом. В них нет места ни ламентациям, ни многословным приветам: они информативны, автор понимает интересы своих адресатов – ближайших родственников – и рассказывает об интересном им: что готовит, где и как стирает белье, моется, хорошо ли себя чувствует, чего ему не хватает. Деятельный исполнительный солдат, лишь изредка он позволяет себе эмоции: «А так хочется в Россию, надоели эти горы до омерзения» (Поляков, № 3). Только в последних письмах, написанных уже при «Свободе», в августе 1917 г., Поляков обнаруживает то, что так любили изображать советские литераторы – пробуждение политического сознания, когда границы тем расширяются и солдат начинает рассуждать об обстановке в стране: «Очен сердитес наверное Вы на Свободу. Не сердите очен на нее, дайте ей оправитса. Да опасное положение сейчас для России, внутри споры и раздоры в армии неудачи. Дай Бог что б все это поскорей кончилось» (Поляков, № 5).

Все авторы писем честно несут воинскую службу, умеют адаптироваться к трудной обстановке, но отчуждены от понимания целей войны, в которой участвуют. Вырванные из контекста из-за плохой сохранности, эти письма не столько открывают нам неизвестные детали военной жизни, сколько демонстрируют разнообразие личностей. Рядовые Осиновских, Путилов и Поляков относятся к одному сословию и выражают себя преимущественно с помощью затверженных этикетных формул, но дополняют их отобранными в соответствии со своими коммуникативными целями речевыми жанровыми формами наказа, ламентации, краткого описания очеркового типа. Они выходят за пределы «культуры молчания» в область непосредственного высказывания и демонстрируют свою готовность вступать с миром в продуктивный диалог, осваивать новые социальные практики.

Дневники: военврач, корнет, рядовой и повседневность войны

Авторам представленных в сборнике писем жанр дневника был бы, скорее всего, не по силам. Дневник – все же прерогатива преимущественно другого социального слоя дореволюционной России – хорошо образованного, свободно владеющего письменной речью, испытывающего потребность фиксировать на бумаге события своей жизни и свои рефлексии, осознающего их значимость в первую очередь для себя самого.

Врач из семьи врачей, М.М. Бажанов вел свой «походный дневник» с 1 по 22 ноября 1914 г. Он был призван в армию 19 августа 1914 г., но регулярные записи, которые дошли до нас, начал делать позже, осенью, возможно, когда осознал пребывание на фронте как значительный опыт в масштабе своей жизни. У автора точный ясный язык, явная привычка к регулярному письму, потребность в том, чтобы записывать свои впечатления ежедневно, при первом удобном случае для памяти и/или разрядки эмоционального напряжения.

Предметом описания в дневнике Бажанова становятся события (где расположились на ночлег, сколько было раненых, какие операции пришлось делать и т. п.), места пребывания автора, заметки о состоянии армии (нехватка перевязочных материалов, беспорядок в организации работы с ранеными и т. п.), краткий пересказ слухов и рассказанных другими историй, характеристики окружающих, эмоции, обычно негативные («Это какой-то ад» и т. п.).

Для военного врача, только что призванного на военную службу, война – это боль, раны, неразбериха ближнего тыла, слухи и общая атмосфера подавленности, вызванная первыми большими потерями¹. «Страшно обидно, все происходит из неумения командира справиться со своими обязанностями, оказывается, воевать не то же самое, что строить казармы. Благодаря его неумению – не было произведено никакой разведки – подверг обстрелу артиллерии весь полк» (Бажанов, 1 ноября 1914 г.).

По своему служебному положению М.М. Бажанов входил в офицерский круг. От раненых офицеров он услышал и записал нелицеприятные отзывы о нижних чинах. Они, как оказывается, не только не хотели сражаться, но были готовы к открытому неповиновению: «Распространяются слухи, что солдаты сами простреливают себе или друг другу пальцы, чтобы выбыть из строя» (Бажанов, 3[–6] ноября 1914 г.). В боевых условиях солдаты не только сами сдаются в плен без малейшего сопротивления, но и силой принуждают офицеров: «Рассказывали про Магского, что его не отпускали солдаты, и он не знал, что ему делать. Сдаваться не хотелось, но и бежать было невозможно, так как свои солдаты расстреляли бы его. Положение

---

¹ В этом отношении дневниковые записи М.М. Бажанова вполне согласуются с письмами его товарища по профессии – молодого военного врача Ф. Краузе (см.: Краузе Ф. Письма с Первой мировой / отв. ред. Л.А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2013).

было безвыходным. Так и неизвестно, убит он, ранен или сдался в плен. Слухи более держатся в том смысле, что он в плену. Командир пулеметной роты рассказывал, как он убеждал солдат-пулеметчиков позволить ему увести пулеметы, но солдаты поснимали сапоги и портянками давали знать немцам, что они сдаются. Пулеметы они не отдали, говорят, пусть они идут с нами. Командир едва убежал от них с несколькими верными ему солдатами. Были рассказы, что одного офицера солдаты связали, чтобы он не мог убежать. Как он не умолял их, они говорили ему, что если сдадутся вместе с офицером, им в плену будет лучше, так и не отпустили» (Бажанов, 3[–6] ноября 1914 г.).

Повторимся, военный врач не был свидетелем этих событий. Он записал в дневник рассказы раненых офицеров, вполне возможно, что услышанные ими от других. Эти слухи интересны тем, что свидетельствуют о подспудной напряженности в отношениях между офицерами и нижними чинами. В солдатских письмах офицерская тема фактически не всплывает до 1917 г. В письмах М. Осиновских, в почтовых карточках А. Путилова не найти ни единого упоминания о ротных и батальонных начальниках. В офицерской среде нижним чинам не доверяли, подозревали в трусости, нежелании воевать. Дисциплину восстанавливали кулачным боем. М.М. Бажанов жалуется на то, что его приказы не исполняют: «Что мне с ними делать, не могу же я бить их по морде, как управляются господа офицеры»¹ (Бажанов, 10 ноября 1914 г.).

Автор дневника, с одной стороны, признает размах и объективную жестокость войны (описание поля после боя, операции в походном фронтовом лазарете) и терпеливо исполняет все, что должен исполнять фронтовой врач, с другой – все время сердится из-за того, что повседневная фронтовая жизнь оказалась столь хаотичной. Он не может понять логику устройства фронта и фронтовой жизни, критически дистанцируется от государственной политики, в то же время позиционируя себя как образцового фронтового врача, готового оперировать в любых условиях, срыться с места по первому зову и т. п.

Можно сказать, что главной внутренней темой дневника Бажанова оказываются столкновение порядка и беспорядка. Поскольку война для автора – это непонятно как организованная жизнь, а он привык жить в очерченных границах семьи и службы, то выстраивание порядка для него имеет

---

¹ В мемуарах, написанных в 1965 г., А.А. Ошев вспоминал, как он дисциплинировал отказавшегося исполнять приказ солдата: «Рядовой Мишин! Почему сорвали выполнение боевого задания взвода? Мишин молчит. Я расвирепел и ударил его по голове. Он упал» (Ошев, Воспоминания). Рецензента рукописи этот пассаж возмутил: «Описание рукоприкладства своего на фронте производит отвратительное впечатление». А. Ошев тут же нашел оправдание: «Но все же это избиение солдата было более гуманным, чем расстрел, если это дело передать в военно-полевой суд». (Ошев, Воспоминания; Примечания). Рядовой Мишин не оставил воспоминаний, но можно быть вполне уверенным, что эту ситуацию он оценивал по-другому.

значение. Порядок связан с соблюдением правил мирной жизни, особенно чаепитий и сохранения личного пространства: «Некоторые снова легли спать. Мне не захотелось, и я стал пить чай, так и встретил свои именины» (Бажанов, 7 ноября 1914 г.). Порядок для военврача глубоко связан с воспоминаниями о мирной жизни, и при первой же возможности он даже организует себе нечто вроде экскурсии: «Габриен с Богослововым отправились на станцию Сохачев, где полевая аптека, за перев[язочным] материалом, а я с Палкиным заинтересовались развалинами замка князей Мазовецких, на берегу речки Утраты. Дворец стоит на высоком холме, остались лишь кирпичные стены полуразвалившиеся. Горизонт широкий, верст на двадцать. Конечно, Клавдюшечка [жена автора. – М. Л., О. Л.] не выдержала бы и забралась на горку для осмотра старины. Говорят, замок построен 700 лет тому назад. Видны остатки от бывших комнат. Широкие окна. Палкин попросил какого-то господина снять нас два раза на этих развалинах. Потом мы отправились на станцию искать коллег. На станции, оказывается, устроен Иркутский Лазарет. Как позавидовал я их мирной работе» (Бажанов, 9 ноября 1914 г.).

Скорее всего, дневник для Бажанова также был своеобразной формой упорядочивания жизни через соблюдение мирной привычки. Он, очевидно, выполняет для автора также важную социализационную функцию встраивания себя в чуждые ему обстоятельства. Автор, отторгая военное настоящее, дискурсивно сохраняет, даже отстаивает в себе личность, принадлежащую культурной традиции штатской демократически-настроенной интеллигенции. Отсюда – цитирование стихов, умеренное фрондерство по отношению к государственной политике, брюзжание по поводу беспорядков, идущих от военного руководства, сдержанная нежность к жене-соратнице по врачебному делу, подчеркивание своего профессионального педантизма. Впрочем, сам факт свидетельствования о мире в «его минуты роковые» также включен в «обязанности» интеллигента.

В.Н. Щеглов относится к иному сословию – дворянин, профессиональный военный, учившийся в Орловском Бахтина кадетском корпусе и Елисаветградском кавалерийском училище. И в его дневнике читатель видит сумятицу первых недель боевых действий, бесприютность армейского быта, поиски своего места на войне. Что делать? Начальствовать взводом? Организовывать снабжение? Вести журнал боевых действий дивизиона? Или стать летчиком-наблюдателем?

Но все же дневник В.Н. Щеглова – это в значительной степени документация своей идентичности – хорошего офицера русской армии: «Меня все считают Слава Бога за храброго офицера, командир сотни с похвалой говорит о моем спокойствии, дай Бог чтобы это было так» (Щеглов, 9 сентября 1914 г.).

Материал его дневника – повседневная фронтовая жизнь в начале войны. Хотя он находится «на австрийской территории в Галиции» и выполняет положенные офицерские обязанности («В 6-ть часов утра выступили»; «Всем кому нужно было, явился»), первая же дневниковая запись, пред-

ставляющая, как большинство других, краткий пересказ событий дня, создает образ расслабленной нефронтовой жизни: «Обедал в городе в ресторане Барг-Американский. Гулял по городу, необходимое закупил... Придя на место стоянки, нашел, что скучно. Забрал с собою Корнета Цаллагова отправились обратно в город. Купили бутылку меда. Зашли в кофейную, присоединились к нам наши эскулапы, потребовали себе чаю. Мне же кроме этого захотелось страшно выпить пива, посему послал мальчишку в ближайший ресторан. В приятном разговоре скоротали время». А чуть позже, на вечернем собрании офицеров у командира, «были все на лицо, за исключением Пор. Нагайбекова, которого командировали, чтобы убрали трупы убитых» (Щеглов, 16 августа 1914 г.).

Спокойствие на фоне войны, связанное в его сознании с храбростью, Щеглов демонстрирует на каждой странице. Параллельно с краткой информацией о фронтовых делах он педантично фиксирует свой рацион, погоду, в тексте мелькают непромокаемые плащи, фуфайки, летние штаны, фарфоровый стаканчик, заказ очков, поездки на автомобилях, интерьеры панских и крестьянских домов. Автор играет в карты, беспокоится о получении шубы, мечтает попасть во Львов. Даже, когда времени у него нет совсем и он сокращает слова в совсем уж лаконичных записях, читаем: «Напились опять кип. молока и покуш. хлеба с масл. Колесник. собир. уезжать. ... Я же стал ожидать прихода сотни. Где наши, что делают я никаких сведений не получал и не знаю по этому» (Щеглов, 20 сентября 1914 г.).

В отличие от «эскулапа» М.М. Бажанова Щеглов легко ориентируется в приказах, дислокациях, не ищет смысла в действиях военных, будь то охрана командующего, дежурство или марш-бросок. Он воспринимает как должное мнение командира, «что вещи можно, конечно, брать, но только чтобы это было тихо, без всякого погрома». И добавляет: «Если особенно еще представляет что-нибудь историческое, оригинальное, то отчего бы не взять, тем более, если я не возьму, то другой обязательно ее уничтожит» (Щеглов, 16 августа 1914 г.). Где-то рядом мародерствуют казаки; крики ограбленных мешают спать – но и только. Встать и восстановить дисциплину автору дневника не приходит в голову. Никакой рефлексии по поводу происходящего он себе в дневнике не позволяет, его как будто все устраивает, и он ведет эту жизнь с удовольствием: «[Командир. – М. Л., О. Л.] сделал замечание, отчего до сих пор не явился с утренним рапортом, отчего не доложил, когда ушла сотня. Нашел я, что замечания были вполне справедливыми. Отдал мне соответствующие инструкции и уехал. Мы же с Корнетом Цаллаговым на чистом утреннем воздухе занялись чаепитием. После чего поставили на дворе стол, он занялся, как казначей, своими счетами, и я продолжением своего дневника. Все время над нашими головами аэроплан, но по всем признакам это наши» (Щеглов, 18 августа 1914 г.).

Внешне самоуверенный, чувствующий себя на войне, как рыба в воде, с четким кодексом поведения офицера, которому надо неукоснительно следовать, автор дневника создает текст, жизнестроительный по своей сути:

целенаправленно создаваемый им в дневнике образ профессионального офицера поддерживал поведение реального живого человека.

Но и такой дневник не скрывает реального положения дел. В офицерских блиндажах так же верят в чудо, как и в солдатских землянках. «Ходят слухи, что двигаются на Прусскую границу 2 японских корпуса, что мы у них купили тяжелые орудия, не знаю, насколько это достоверно» (Щеглов, 11 сентября 1914 г.). Все служебные перемещения совершаются по воле начальства. О его замыслах младшему офицеру сотни знать не положено. Накапливается усталость. «В конце концов, появилась полная апатия ко всему. Уже совершенно не обращаю внимания на свист пуль; часто встаю из окопа, встряхиваюсь от пыли, которая, кстати, кругом носится, и особенно песок, как пошевельнешься, так кругом сыпется...» (Щеглов, 28 августа 1914 г.).

М.М. Бажанов и В.Н. Щеглов предстают в своих дневниках как взрослые люди со сложившимся мировоззрением, мнением о себе, которое они непрестанно документируют в своих записях, а также со сформированным слогом, не разрушенным экстремальной военной ситуацией. В их текстах нет психологической динамики, что отчасти, видимо, связано с тем, что срок ведения публикуемых дневниковых записей невелик.

Следующая публикация, дневник рядового А.Д. Сереброва, содержит записи с ноября 1916 по 24 июня 1917 г. Лаконичные (куда поехал, чем занимался, что ел-пил) записи рядового, принадлежащего явно к более низкому социальному слою, в первую очередь, конечно, свидетельствуют о колоссальной разнице в положении солдат и офицеров. «После обеда нужно бы попить чаю, но кипятку нет... Вечером был ужин еще хуже обеда: вода и капуста, но только капустой не пахнет, а как будто трава пустая и вода чуть не тошнит. Хлеба дали еще по куску, кипятку тоже мало» (Серебров, 2 декабря 1916 г.). В армии царит рукоприкладство: «А начальство, что такое, это ужас никакого слова нельзя сказать, ротный как зверь, фельдфебель изверг, такой же и взводный никаких человеческих прав не признают и готовы каждого бить в морду и били некоторых, били, а если кто идет в околодок то сначала осмотрит ротный кого пустит, а кого нет» (Серебров, 25 февраля 1917 г.).

Как М.М. Бажанов фиксировал недостатки военного управления и сохранение мирных привычек, В.Н. Щеглов – мирные занятия в военное время, так Серебров изо дня в день пишет о плохой еде, паразитах, мыши в каше и т. п. Недовольство окружающим можно было бы списать на ужасные условия фронта, но в тексте дневника нет добрых слов ни о доме, ни об окружающих людях: «В общем народ самый прескверный, подводит своего брата под наказание ... Самый проклятый ничтожный народ хотя и старые они тоже ничуть не лучше молодых некоторые даже хуже. Да, ничего не вижу хорошего в своем русском народе, а напротив все плохое подлое» (Серебров, 11 марта 1917 г.). Поводом для подобных обвинений стала пропажа керосина. Единственный человек, названный хорошим в дневнике, – это

солдат, которому «менял 50 к[опеек], ему отдал, а с него [не] получил, хорошо, что он хороший потом отдал» (Серебров, 13 января 1917 г.).

Записи для автора дневника – своего рода «место памяти», где хранится краткая информация о важных с его точки зрения событиях жизни, а также более развернутые соображения о некоторых волнующих его предметах. Беспокоят его как вещи бытовые, но необычные, вроде «маршевого ротного Сперскаго» («Он очень похож на женщину, мне кажется, что это не мужчина, а женщина») (Серебров, 12 декабря 1916 г.) или проституции среди латышек-беженков, о которой он пространно рассуждает, так и более возвышенные, вроде поправки праздника Рождества: «Родился Христос, родилась на земле любовь и распространилось и разлилось учение его о любви к ближнему своему, но ненависть задавила это прекрасное слово и кругом идет ненависть убийство, льется кровь, как река, избивают народы друг друга, не зная за что. Принесет ли этот праздник любви на землю любовь и мир, давно для нас желанный, который ждут миллионы людей» (Серебров, 24 декабря 1916 г.). Также он тяготеет к социальным обобщениям, обычно вызванным проявлениями несправедливости. Как правило, это инвектива («Так то Россия поддерживает силы своим защитникам, кипиток достался только нескольким лицам») (Серебров, 2 декабря 1916 г.) или жалоба («Сегодня воскресенье, дома хорошо кушают, все наверно веселы довольны и сыты, а я полуголодный, обида, за что только здесь я мучаюсь и если останусь жив, то что я за это получу, ровно ничего, будешь домой также все будут тебя избегать и не один я мучаюсь, а миллионы таких») (Серебров, 12 февраля 1917 г.).

Очевидно, что вокруг А.Д. Сереброва идет активная политическая жизнь: он усваивает новый лексикон и периодически пользуется им. Но интерес его избирателен. «Очень важная новость» об отречении императора от престола вызывает у него только конспирологический интерес и не получает развития: «... мне думается, что Николай Алек[сандрович] не сам отказался от престола а свергнули силой, а может и нет живого. Вечером пошли на работу, наш взвод попал на хорошую работу и рано пришли обратно» (Серебров, 3 марта 1917 г.).

Мнения Сереброва нестабильны и, видимо, связаны со словами различных по своим политическим взглядам пропагандистов: «...Сильные мира сего не слышат и не хотят услышать стонов и страданий народных и продолжают лить народную кровь и слезы и даже пить. Но они не кровь пьют, а пьют капиталы народные» (Серебров, 24 декабря 1916 г.); «Каждый старается переделать себе гимнастерку, шаровары и сапоги и день на день жалуются, спят да кушают больше ничего не признают и не хотят делать, только им подавай хорошую пищу, а с этим не считаются где ее взять, а того не подумают, что родина с каждым днем все больше и больше разоряется, все приходит в упадок вся промышленность и финансы, а они здесь гуляют и занимаются прожиганием жизни а нужно бы скорей кончить и вернуть[ся] на родину к своим родным полям. А как кончить: нужно сделать напор на врага и скорей пойдет дело к концу» (Серебров, 25(12) июня 1917 г.).

Текст дневника по определению неокончательный – предтекст всегда предполагает возможность возвращения к нему, внесения правки. Изначально написанный для «внутреннего употребления», он может быть изменен с учетом внутренней или внешней цензуры, не обязательно политической. То, что дневник А.Д. Сереброва переписан, скорее всего, кем-то из потомков, позволяет предположить, что при переписке в него могли быть внесены изменения.

Мемуары: офицеры военного времени вспоминают

Последнюю группу текстов сборника составляют воспоминания – жанр, в содержании которого принципиальную роль приобретают временная дистанция и сознательно выстроенная автором концепция собственной жизни. Авторы воспоминаний – так называемые офицеры военного времени, которые затем затерялись в «толще» советского населения. Выходцы из мещанских и крестьянских слоев, извлеченные военным начальством из солдатской массы и испытывавшие в юношеском возрасте искушение принадлежностью к привилегированному военному сословию, они отбирались по весьма скромному образовательному цензу. При этом им, прапорщикам, полагались аксессуары, доступные только членам военной корпорации: золоченые погоны, скрипучие ремни, офицерская шашка. На улице им отдавали честь городовые, провожали взглядом барышни, завидовали товарищи.

Этот опыт оставил свой след в жизни каждого из них. Стоит ли удивляться, что в официальной бумаге начальник особых отделов ГПУ УССР (должность «генеральская») с нескрываемой обидой писал о том, что «уже на военной службе в 1915 году сдал экзамен экстерном за 4 класса гимназии, хотел из меня сделать офицера, но социальное положение помешало этому»¹. Желание вернуть себе хотя бы символический статус офицера императорской армии бывало настолько сильным, что заглушало даже чувство самосохранения. Один из свидетелей, выживших в массовой операции НКВД 1937 г., спустя годы вспоминал, как в арестное помещение привели после допроса главного инженера треста «Пермлес» А.Г. Даричева и он горделиво сказал обступившим его людям, что «он теперь опять офицер, командир какой-то большой воинской единицы, не то роты, не то полка»². На границе между жизнью и смертью бывший прапорщик военного времени выбрал смерть в офицерском чине.

У бывших офицеров военного времени, сделавших, как им казалось, самый трудный и самый главный шаг вверх по социальной лестнице в облаченной в мундир империи, война надолго сохранилась в памяти. Но память эта осталась личной, даже не семейной. Из домашней обстановки вычища-

¹ Автобиография Быстрых Н.М., 10 ноября 1923 г. / ГАПК. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 31. Л. 40–41.

² Выписка из протокола допроса свидетеля Порсева П.Ф., 31 августа 1955 г. / ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10397. Л. 378.

лись материальные свидетельства былого статуса: орденские знаки, погоны, фотографии – вещественные доказательства состава преступления, предусмотренного ст. 58–10 УК РСФСР¹. Но оставались воспоминания.

Характерно название дела, в котором хранятся отдельные из публикуемых воспоминаний, – «Матвеев М.П. Мои биографии: К 60-летию со дня рождения». Даже если не затрагивать тему переписывания – иногда кардинального – историй собственной жизни, разделение (авто)биографий и написанных на их основе воспоминаний на публичные и частные, написанные для печати и для себя, когда личная история открыто сегментируется, – явление типичное.

Воспоминания о службе в «старой армии» М.П. Матвеева, шестидесятилетнего человека, написаны ясным легким слогом образованного человека. Они выдают начитанность автора, соблюдающего распространенную литературную традицию изображать себя молодого – самоуверенного энергичного оптимиста – любовно-иронически, через серию забавных казусов, «вышитых» по автобиографической канве.

Описывает ли автор свой незаконный визит домой («Сходил, блистая новой формой прапорщика, кое к кому из знакомых, повидался с Митей Симановым, сфотографировался и поехал обратно в Екатеринбург»), стремление доказать свою принадлежность к офицерскому сословию («Я не торгуюсь, как и подобает офицеру, сел в санки»), содержание своих обязанностей («После обеда обычно занимались словесностью, главной премудростью в которой было титулование государя императора, его наследника и великих князей»), он неизменно снижает пафос повествования (Матвеев, Воспоминания). Эпизоды, которые Матвеев выбирает для развернутого повествования – о «командире нашего батальона полковнике Булюбаше», о полезном совете генерала Адельберга, об охоте на зайцев и т. п., неизменно носят несколько юмористический характер и напоминают хорошо отшлифованные застольные «байки» для развлечения слушателей.

В деталях фронтовой жизни, как приятных («Хозяин мне в избу принес корзину только что снятых свежих груш. Они были настолько зрелы, что я их не ел, а пил»), так и неприятных («Так как солдаты в окопах ели, то кругом было много хлебных и других отбросов. В результате в окопах развелось столько мышей, что, часто идя по окопу, я чувствовал и слышал, как под ногами лопались жирные мыши. С непривычки было до тошноты противно. Но “привычка свыше нам дана”. Потом я даже не обращал на это внимание»), он стремится подчеркнуть хорошее и смикшировать плохое (Матвеев, Воспоминания). Делает он это из-за особенностей своего мировосприятия или из опаски показаться невидимому цензору (у Матвеева в 1930-е гг. был опыт репрессий) настроенным чересчур лояльно по отношению к царской России, сказать сложно. Но автор моментально меняет регистр повествования, как только речь заходит о событиях, хоть как-то свя-

---

¹ См.: Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства. 1930–1931 годы. М.: МОНФ, 2000. С. 88–89.

занных с политикой. Здесь он сдержан (описание отречения императора) или почеркнуто сухо: «Недели через две до нас дошли слухи о том, что произошла революция и что нет у нас больше царей ни Николая, ни Михаила. Появилась “Окопная правда” большевиков. Солдаты стали втыкать штыки в землю и брататься» (Матвеев, Воспоминания).

Автор подчеркнуто избегает каких бы то ни было политических оценок, но изображение молодости как цепи приключений, полное ярких деталей, отсутствие осуждения «старой армии», наконец, сам факт создания мемуаров об этом периоде жизни явно свидетельствуют о желании автора провести свою частную – хотя бы в рамках семьи – «реабилитацию» истории «забытой» войны.

Автобиографический очерк Н.Г. Щипицына, датированный 1966 г., – воспоминания, написанные по просьбе кого-то из знакомых автора, очень сухие, без всякого литературного блеска. Перед нами запись о том, что вспомнилось, человека негуманитарного склада, явно не привыкшего нарративизировать свои впечатления. За годы жизни у него выработался официально-бюрократический стиль речи, который он не может, да и не пытается изменить («При длительной стоянке на хуторах полагалось вести военные занятия; но солдаты в большинстве случаев отказывались от занятий. Состояние дисциплины было неудовлетворительное») (Щипицын, Воспоминания).

В отличие от М.П. Матвеева Щипицын не рассказывает «историй», хотя среди информации, которую он сухо сообщает, есть немало такой, что могла бы быть развернута в отдельный эпизод. Что у автора описано иногда с мельчайшими занудными подробностями, так это все, связанное с алкоголем: «Перед отправкой на фронт большой группы молодых прапорщиков Губернский комиссар Временного правительства в чине подпоручика разрешил для отъезжающих выдать за деньги со складов по 10 бутылок на человека разных вин. Тут были всякого рода наливки и настойки, не подлежавшие продаже со дня объявления русско-германской войны в 1914 году. Это вино мы получили через нашу офицерскую столовую. Часть вина выпили в Перми, одну бутылку я унес М. Митрофанову, моему соученику по реальному училищу, лежащему на излечении в госпитале, пару бутылок я завез в деревню, и еще оставшиеся 2 бутылки я увез на фронт, которые подарил в офицерскую столовую» (Щипицын, Воспоминания).

Воспоминания Н.Г. Щипицына представляют собой чрезвычайно интересный в композиционном отношении текст, распределенный на две части – общественное и «личное и семейное житие». Такое разделение было, видимо, принципиально для автора и свидетельствует о его стремлении к объективности, а также известной схематизации в изображении собственной жизни. Характерное для советской жизни разделение на общественное и личное, автор переносит в мемуары, включая в «личное», в частности, упоминания о выпивке и женщинах, встреченных им на жизненном пути.

Будучи впоследствии офицером Советской армии, Щипицын, конечно, демонстрирует хорошую классовую «выправку», характеризуя, например,

положение на фронте: «Эти прапорщики в начале войны... были призваны как офицеры запаса и в запасном полку сидели почти всю войну до 1917 года. Все они происходили из помещиков, капиталистов или крупных чиновников... Солдаты настойчиво требовали всех офицеров кадрового состава, главным образом командиров рот, засидевшихся в запасном полку по три года, отправить на фронт, что в скором времени было выполнено» (Щипицын, Воспоминания).

Н.Г. Щипицын, скорее всего, просто и откровенно рассказывает свою жизнь, обнаруживая особенности мировосприятия человека из крестьянской среды, благодаря своему педантизму, хорошей памяти и другим, необходимым для успешной службы качествам, дослужившегося уже в другом – советском – государстве до звания полковника. Он не демонстрирует никаких интересов, выходящих за узкий круг бытовых и служебных дел, у него нет навыка отделения главного от второстепенного, нет стремления к обобщениям и оценкам. Один из немногих выводов, который он делает в своих воспоминаниях, обусловлен его последующей службой: «За шесть месяцев обучения в училище знаний мы приобрели мало, а опыта никакого не было. По настоящему нам нужно было учиться не менее одного года для того, чтобы выйти знающими военное дело и по-настоящему уметь командовать взводом и ротой» (Щипицын, Воспоминания).

Воспоминания А.В. Ошева, учителя из семьи рабочих, который после окончания 2-й Омской школы прапорщиков служил в Сибирском запасном полку, а затем воевал на Румынском фронте, датированы 1965 г. Автор готовил их к публикации, и в книге они представлены со вставками, сделанными после получения отрицательной рецензии на рукопись (рецензия приведена в примечаниях).

По сути, автор представил на суд рецензента бесхитростный текст, композиционно выполненный по образцам модернистской прозы 1920-х гг., видимо, избранных автором в качестве модельных за то, что они максимально соответствовали его представлению о выразительном изображении крупного исторического события. Объективизированное повествование, где «я» автобиографического героя смешивается с поколенческим «мы», периодически прерывается массовыми полифоничными сценами, в которых «масса» представлена сменяющимися друг друга репликами. Повествование разбито на короткие главы, в текст включены вставные истории, среди героев много характеров-«типажей» эпохи – Жилин, Непомнящий и др.

Честность автора в первоначальном варианте текста проявлялась в том, например, что он старался как можно точнее передавать в рассказе свою тогдашнюю – времен Первой мировой войны – точку зрения на военные события. Так, он описывает радость молодого учителя из крестьян от производства в офицеры: «Мы – юнкера! Одно это слово приводит нас в восторг. Разве мы могли мечтать когда-нибудь стать юнкерами? Это было доступно только детям дворян, офицеров. А мы вышли все из простого народа. Наши родители не благородного происхождения; это все мастеровые, служащие, зажиточные крестьяне. Впервые такое творится в России. Какое

нам доверие! И мы оправдаем такое доверие, жизни своей не пощадим!» (Ошев, Воспоминания).

Автор, заявляющий, что это «Счастливым было время! Как в хорошей сказке!», с явным удовольствием вспоминает и «самодельные» песни времен своей молодости, и запевалу Головнина, и обычай «прощания со шпаком» в военном училище, и своих однополчан, и атмосферу в полку, где он служил: «Люди в полку долго не задерживались, прибывали в полк и вскоре выбывали по болезни, ранеными, убитыми. Тогда так и говорили: “Все под богом ходим. Сегодня жив, а завтра поминай, как звали”. Но нытиков среди нас не было. Просмеяли бы. Да и о чем горевать? В нашем полку не так уж было плохо» (Ошев, Воспоминания). А.В. Ошев даже касается большой для начала 1960-х гг. темы религии: «Мы считали, что вера в бога необходима. Она сдерживает людей от преступлений» (Ошев, Воспоминания).

Возможно, атмосфера «оттепели» начала 1960-х гг. внушила автору надежду на то, что его книга, по сути, дающая положительную оценку царской армии, будет опубликована. Но подобная наивность была не в чести, и рецензент воспоминания об офицерской юности разругал: «Война нигде не освещена как империалистическая и, кажется, нигде ни одного раза это понятие не названо во всей работе». Автор оправдывался: «Вы обвиняете меня в излишнем восторге [от] мое[го] пребывания в школе прапорщиков. Но это была пора нашей молодости. А когда здоров да молод, – без веселья весел. В те времена были мы до глупости наивны». Реликтовая офицерская память о Великой войне была неуместной, для советской публики вредной и не нужной. В соответствии с этой установкой рецензент мемуаров прапорщика военного времени и вынес вердикт: «Работа тов. Ошева не представляет интереса общественного».

Читатель получает возможность наблюдать, как огорченный и рассерженный автор то пытается доказать правомочность своей позиции («Откуда нам было знать про займы и “аппетиты” Германии?»), то политизировать текст в соответствии с требованиями рецензента. И тогда к фразе «По всем городам демонстрации с флагами, иконами за победу над Германией» он добавляет еще одну: «Патриотический угар захватил буржуазию, часть интеллигенции, а в деревне – кулачество»; к лаконичной характеристике эпохи «Война поглощала огромные людские ресурсы. Одна мобилизация следовала за другой» – развернутый пассаж как будто из пропагандистской советской брошюры: «Россия терпела одно поражение за другим. Сказывалась русская отсталость. Наша промышленность, наше сельское хозяйство были самыми отсталыми в Европе. В промышленности господствовал иностранный капитал, в деревне было помещичье засилье. Экономика России была слабой. Россия была окутана иностранными миллиардными займами и не имела своей свободной политики». Он пытается извиниться за свои тогдашние чувства: «Нам, молодым, здоровым людям все казалось в розовом свете... Правда, марксистская философия учит: “Сознание – отражение материального мира”. А мы в военной среде были всем обеспечены. Жалованья

ваться было не на что. Мы могли только догадываться, как трудно, тяжело мирному населению обеспечивать армию всем необходимым» (Ошев, Воспоминания).

Конечно, эти исправления делали текст только хуже, усиливая противоречие в трактовке русской армии времен Первой мировой войны, когда автор то восхищается монолитной силой армии и своей к ней принадлежностью, то сетует на несамостоятельность солдат – «серой скотинки».

Воспоминания офицеров военного времени – это не совсем воспоминания о войне. Они – результат той работы, которую их авторы день за днем проводили над собой и своим прошлым, превращая его в «настоящее прошлое».

* * *

Из опубликованных в сборнике текстов нельзя составить панораму Великой войны. Из множества объективов, нацеленных на одно и то же событие с разных точек социального мира, к тому же отделенных друг от друга по оси времени, невозможно сложить общую картину. Слишком отличаются между собой солдатское и офицерское мировосприятие. По разным, не совпадающим между собой культурным матрицам происходил процесс интерпретации увиденного, услышанного, прочувствованного. Солдаты, размахивающие портянками, чтобы обозначить неприятелю свое желание скорее сдаться в плен, видят поле боя другими глазами, чем командир роты, уже не приказывающий, а просящий дать ему возможность увести в тыл пулеметы и самому остаться в действующей армии. Две картины боя, увиденные глазами солдата, со штыком наперевес врывающегося во вражескую траншею, и полкового врача, слышавшего частую стрельбу, но видевшего только вереницы раненых, плохо соединимы друг с другом. Убийство начальника дивизии расценивается офицером как преступление. Для солдата же, испытывавшего чувство злобы по отношению ко всему начальству – от фельдфебеля и выше, это акт справедливости. «Адъютант скомандовал на молитву, некоторые сняли шапки и пропели молитву, а некоторые кричали собаке собачья смерть... По правде сказать туда ему и дорога, очень был человек нехороший... Прямо-таки был изверг для солдат и враг...» (Серебров, 26 мая 1917 г.).

В сборнике сведены разные картины войны: солдатские, офицерские, юношеские, взрослые. В этом многоголосье проступают линии культурных разломов, повлекших за собой крах российской государственности. В то же время в частных бумагах участников Великой войны запечатлен жизненный мир людей ушедшей эпохи войн и революций. Стилистически несовершенные, лишенные профессионального блеска, историсофской «эпопейности», идеологической выдержанности, письма, дневники и воспоминания, включенные в эту книгу, дают возможность услышать живую речь участников Первой мировой войны, познакомиться с ними. Люди разных сословий и личностно-психологических особенностей, они не только честно вы-

полнили свою военную работу, но и оставили свидетельства о ней – какие получились. Их голоса присоединились к десяткам свидетельств о Первой мировой войне. Дальше начинается работа наших современников – за тем, что сказалось, увидеть то, что хотел сказать человек на самом деле.

М.А. Литовская, О.Л. Лейбович

I. ПИСЬМА: РЯДОВЫЕ ПИШУТ ДОМОЙ

**«СМЕРТЬ ОЖИДАЮ КАЖДУЮ МИНУТУ...»:
письма Максима Степановича Осиновских,
рядового (младшего унтер-офицера)**

Максим Степанович Осиновских родился 7 августа 1880 г. в семье крестьянина с. Култаево¹ Пермского уезда Пермской губернии Степана Егоровича Осиновских. В 1892 г. мальчик окончил 4-классную начальную школу, в 1901 г. – курсы духовного и светского хорового пения, устроенные Пермским губернским комитетом попечительства о народной трезвости^{II}. После завершения курсов М.С. Осиновских возглавил местный церковный хор. С 1902 по 1907 г. – в армии. После службы вернулся к крестьянскому труду и руководству хором. По некоторым данным, как и его отец, был старостой с. Култаево. С началом Первой мировой войны призван в армию. Участвовал в Галицийской битве. Ранен 3 октября 1914 г., убит 10 декабря 1914 г. За один из последних боев удостоен звания унтер-офицера и Георгиевского креста IV степени. У него остались 5 детей и вдова Анна Алексеевна Осиновских.

Письма рядового (младшего унтер-офицера) 194-го пехотного Троицко-Сергиевского полка^{III} Максима Степановича Осиновских хранятся в семейном фонде Осиновских в Государственном архиве Пермского края.

---

¹ Култаево – село в Пермском уезде Пермской губернии, ныне село в Пермском районе Пермского края.

^{II} Пермский губернский комитет попечительства о народной трезвости был создан в соответствии с «Уставом Попечительств о народной трезвости» от 20 декабря 1894 г. Состоял в ведении Министерства финансов. Занимался организацией досуга населения и борьбой с пьянством, содержал лечебные заведения для алкоголиков. Одна из главных заслуг Пермского губернского комитета попечительства о народной трезвости – развитие хорового пения. Член губернского комитета попечительства о народной трезвости Александр Дмитриевич Городцов на рубеже XIX–XX вв. создал десятки реально существовавших коллективов хорового пения, объединивших сотни энтузиастов. Комитет прекратил свою деятельность в конце 1917 г.

^{III} 194-й пехотный Троицко-Сергиевский полк – воинская часть русской армии. Сформирован в 1910 г. из трех резервных частей: 221-го пехотного резервного Троицко-Сергиевского полка, 230-го Ветлужского и 232-го Ирбитского резервных батальонов. Входил в состав 49-й пехотной дивизии. Полк был расквартирован следующим образом: штаб полка, первый, третий батальоны, 13-я, 14-я, 15-я роты

№ 1. Письмо М.С. Осиновских родным¹⁾.
Самара, не ранее 3 августа 1914 г.²⁾

Письмо написал в Самаре в 12 час[ов] ночи и тут же положил в ящик³⁾.

Здравствуйте! Дорогие мои родители Тятя¹⁾ и Хресна^{II)} и дорогая жена Анна Алексеевна и милые детки Вася^{III)}, Паша^{IV)}, Сано^{V)}, Коля^{VI)} и Женя^{VII)}, во первых

четвертого батальона, нестроевая рота, команды пулеметная, связи, разведчиков – в Перми; второй батальон – в Кунгуре; 16-я рота – в Глазове. Лагерный сбор полк проходил у с. Тоцкома Оренбургской губернии, походный сбор – в Самарской губернии. В случае мобилизации полк служил базой для формирования 334-го пехотного Ирбитского полка, 107-го пехотного запасного батальона и этапной полуроты. После объявления мобилизации в 1914 г. был пополнен более чем 2 тыс. запасными нижними чинами из Пермской губернии. Воевал в составе XXIV армейского корпуса на Юго-Западном, Западном и Румынском фронтах. За бои 27 сентября – 22 октября и 7–18 ноября 1914 г. был представлен к награждению Георгиевским знаменем и знакам на шапки. Расформирован весной 1918 г.

^{I)} Имеется в виду отец автора, Осиновских Степан Егорович ([1830] – после 1919), крестьянин с. Култаево Пермского уезда Пермской губернии и в течение многих лет его бессменный староста.

^{II)} Хресна, крестна – крестная.

^{III)} Осиновских Василий Максимович (1901–1966) – сын автора. В 1908–1915 гг. учился в Култаевской начальной школе. До 1917 г. писарь в Култаевской волостной конторе, затем, до 1920 г., в Култаевском военном комиссариате. В 1920–1930 гг. работал в Култаевском райисполкоме. В 1930 г. переехал в Пермь и работал бухгалтером на пивоваренном заводе. С 1964 г. на пенсии.

^{IV)} Осиновских Павел Максимович (1903–1943) – сын автора. Окончил Култаевскую начальную школу. До 1917 г. занимался сельским хозяйством. В 1918–1920 гг. рассыльный в Култаевском военном комиссариате. Затем вернулся к крестьянскому труду. В 1924–1928 гг. в Красной армии, служил на советско-польской границе. В 1929 г., по возвращении домой, вступил в колхоз. В 1933 г. переехал в Пермь, работал грузчиком на ст. Пермь-II. С 1942 г. на фронте. Погиб под Сталинградом.

^{V)} Осиновских Александр Максимович (1909 – не ранее 1979) – сын автора. Окончил 3 класса Култаевской начальной школы (1920). Трижды избирался секретарем местной комсомольской организации. Член ВКП(б) с 1932 г. В 1932 г. окончил совпартшколу в Перми и затем работал в горкоме комсомола. В 1934 г. в результате партийной чистки исключен из рядов ВКП(б). С 1935 г. в с. Култаево преподавал физкультуру и обществознание в Лобановской средней школе, работал в местном колхозе. В 1938–1969 гг. завхоз в Култаевской больнице. Депутат Култаевского сельского Совета. С 1969 г. на пенсии. Занимался краеведением, подготовил рукопись «История села Култаево».

^{VI)} Коля – очевидно, сын автора. Других данных найти не удалось.

^{VII)} Осиновских Евгений Максимович (1912–?) – сын автора. Окончил Култаевскую начальную школу (1922), Школу крестьянской молодежи в Верхних Муллах (1926) и Пермский землеустроительный техникум (1934). Член ВКП(б)

*М.С. Осиновских. Б/м, не позднее 1914 г. Фото неизв.
ГАПК. Ф. Р-1601. Оп. 1. Д. 13*

кланяюсь я вам по нижайшему поклону с глубоким почтением, и даю свое заочное родительское благословение милым моим детям и целую вас заочно. За тем кланяюсь Тятиньке, Мамоньке, Оле, Маше и Лиде¹, и дорогому

с 1933 г. В 1934–1936 гг. в Красной армии. Затем работал в лесоустроительной экспедиции при Пермском управлении лесного хозяйства. В 1941–1945 гг. на фронте. Победу встретил в Кенигсберге. Удостоен медали «За боевые заслуги», ордена Красной Звезды (февраль 1945) и ордена Красного Знамени (март 1945). После войны работал инженером-геодезистом в Пермской лесоустроительной экспедиции. С 1972 г. на пенсии.

¹ Оля, Маша (далее также Мария, Маня), Лида – сестры жены автора, А.А. Осиновских.

зятю Савелию Ивановичу и Хресне Прасковье Степановне, Аркаше¹, Нюре, Зине по низкому поклону, Хресному^{II} Степану Яковлевичу и Хресне Прасковье Федоровне. Ване и Мише и кланяюсь милому товарищу Александру Парамоновичу и всему семейству извините всем на имя писать некогда и кланяюсь Павлу Федоровичу с семейством и Ване и кланяюсь Алексею Абрамовичу с семейством и Ивану Абрамовичу с семейством и Тетушке Акулине Афанасьевне и Диакону Павловскому и Липину и всем поклонитесь родным моим и знакомым, за тем милые мои родители Тятя и Хресна, а также милая жена Анна Алексеевна что мы из **Перми**⁴⁾ отправились около 1 часу ночи и проехали гор[ода] **Кунгур**^{III}, **Екатеринбург**, **Челябинск**, **Златоуст**^{IV}, **Уфу**, в **Уфе были 1-го Августа**, а день какой совсем забыли не знаю. А 2-го Августа на 3-е число приехали в **гор[од] Самару**. За тем прошу дорогие родители не ссорьтесь вы между собой и Анна Алексеевна та не давай Хресну в обиду ребятам. И не тужите и не ревите обо мне а молитесь господу Богу и робят заставляйте молиться за меня мне уже не когда молиться за себя маленько поздно я хватился. И поднимайте ребятешек как нибудь, авось не кто как Бог. Может и приеду домой, не всех-же убивают на войне, а по молитвам вашим может и останусь жив. Едем благополучно и весело но как раздумаемся что на войну так сердце и сжимается, на станциях где поезд стоит часа 2 или 3 выходим на поля на занятия. Везут известно как коров на бойню, так же у нас один из запасных дорогой помер, и больных очень много но не верят, в вагонах народу очень много и спать не приходится лежа а сижая. Но главное не тужите и не плачьте обо мне, а только молитесь Богу и ты Хресна молись за меня и Бог услышит твою молитву и я приду домой, поклонитесь Петру Яковлевичу, я его и забыл. Да и из дому уехал так ровно ума-та мало стало, говорили что в Самаре остановимся а должно быть нет едем дальше, где остановимся напишу.

Пишите. Адрес: штаб военных действий 194-й Троицко-Сергиевский полк 15 рота 3 взвода рядовому Максиму Степановичу Осиновских.

ГАПК. Ф. Р-1601. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикаторов.

²⁾ Место и дата приводятся по штампу на конверте (Л. 3).

³⁾ В левом верхнем углу поверх текста помета красным карандашом *нрзб*.

⁴⁾ Здесь и далее текст подчеркнут красным карандашом.

¹ Здесь и далее в случаях, когда личности упоминаемых людей установить не удалось, комментарии опущены.

^{II} Хрестный – крестный.

^{III} Кунгур – уездный город Пермской губернии, ныне административный центр Кунгурского городского округа Пермского края.

^{IV} Златоуст – уездный город Уфимской губернии, ныне административный центр Златоустовского городского округа Челябинской области.

№ 2. Открытое письмо (почтовая карточка)

М.С. Осиновских родным¹⁾.

[Сызрань]¹, не ранее 3 августа 1914 г.²⁾

Дорогие родители! пишите адрес так в Штаб действующей армии рядовому 194-го Троицко-Сергиевского полка 15-ю роту 3 взвода Максиму Степановичу Осиновских. Письма посылайте без марок, а так же передайте этот адрес и Тимофею Михайловичу, так как едем с Александром Григор[ьевичем]^{II} в одном вагоне, мы правильно выехали из Самары в ночь на 3-е Авг[уста] И 3-го августа прибыли в г[ород] Сызрань, а далее поедem не известно куда, пишите как можно скорее, будем ждать с нетерпением. До свиданья Максим и Александр^{III}.

ГАПК. Ф. Р-1601. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикаторов.

²⁾ Место и дата приводятся по штампу на лицевой стороне карточки (Л. 4).

№ 3. Письмо М.С. Осиновских родным¹⁾.

Вязьма^{IV}, не ранее 6 августа 1914 г.²⁾

Здравствуйте! Дорогие мои родители Тятя и Хресна и дорогая супруга Анна Алексеевна и милые дети Вася, Паша, Сано, Коля и Женя во первых строках моего письма кланяюсь вам, по нижайшему поклону с глубочайшим почтением и даю милым детям свое родительское благословение, за тем извещаю я вас милые родители, что мы проехали г[орода] Самару, Сызрань, Пензу и г[ород] Моршанск^V, скоро будем в Туле, а потом должно быть проедem на гор[од] Калугу. И потом на границу, наверное через полторы недели будем уже на границе. И тогда молитесь господу Богу о моем спасении за тем прошу вас дорогая супруга и милые дети слушайте мать свою, а так же дедушка и Хресну, и ты дорогая супруга Анна Алексеевна не обижай

---

¹ Сызрань – уездный город Симбирской губернии, ныне районный центр Самарской области.

^{II} Хохряков Александр Григорьевич (около 1888–?) – земляк и сослуживец автора. Уроженец Култаевской волости Пермского уезда Пермской губернии. Рядовой 194-го Троицко-Сергиевского полка. Ранен 5 марта 1915 г. в Карпатах (сквозное ранение левого плеча). 17 марта 1915 г. поступил на лечение в Ильинский земский госпиталь в Богородском уезде Московской губернии. Других данных найти не удалось.

^{III} Имеется в виду А.Г. Хохряков.

^{IV} Вязьма – уездный город Смоленской губернии, ныне районный центр Смоленской области.

^V Моршанск – уездный город Тамбовской губернии, ныне районный центр Тамбовской области.

извинитесь Ан. Ан. за мое
 беспокойство не забывайте
 о полковнике его не забывайте
 Заручившись Милые мои род-
 ственники Тата и Крестик и
 Милый дядя Ан. Ан. и милые
 братья Вася, Паша, Саша, Коля и
 Степан во первых сроках много
 я вам свое любочисливое поощре-
 ние и с любовью милостивую
 похлопываю, а также же даю свое
 родительское благословение и
 милые мои дети мои,
 за то вы и звоните я вас, ур-
 ны проехали г. Орлов и Киев
 и идете далее на границу
 предпалатки г. Москва 10^ю авгу-
 ста вступить в бой, но я
 никак не боюсь и не стра-
 шусь с одной Богородь боя
 нужно все кому либо защи-
 щать Втору православную,
 своего родимую, и Царя батюшку

Фрагмент письма М.С. Осиповских. Не ранее 8 августа 1914 г.

ГАПК. Ф. Р-1601. Оп. 1. Д. 5. Л. 8

стариков, а так же и робятишек не ругай и не бей их, а добрым словом учи их и молитесь Господу Богу все вместе со слезами, что бы Бог вынес меня домой, это наставление я даю вам в последний раз, более не придется и смотри Ан[на] Алек[сеевна] не делай ничего над собой и не плач³⁾ не давайся врагу в руки, в настоящее время я увижу робятишек на танции⁴⁾ или похожих лиц на Тятю или на Хресну и на тебя, так сердце и разрывается. Живите с Богом. Прощайте.

Едем в оном вагоне с Алекс[андром] Григорьевичем, Мокинской Петруха¹ в другом вагоне от нас Василий Вахромеевич Феодоровнин в одном поезде видимся через день с ним. Скажи Феодоровне, что он тоже жив и здоров. Пишите письма как можно скорее и посылайте без марок.

Подлевский Иван смешной солдат тоже с нами в одном вагоне.

ГАПК. Ф. Р-1601. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–6 об. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикаторов. Авторский заголовок – *Письмо*.

²⁾ Место и дата приводятся по штампу на конверте (Л. 7).

³⁾ Перед *плач* написано *реви*, затем вычеркнутое.

⁴⁾ Так в документе, должно быть *станции*.

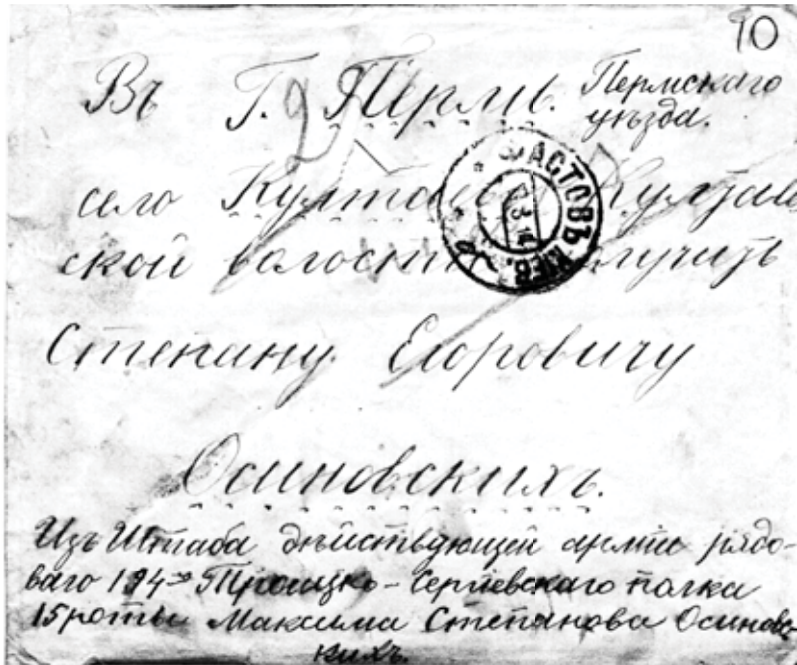
№ 4. Письмо М.С. Осиновских родным¹⁾. Фастов^{II} – Киев, не ранее 8 августа 1914 г.²⁾

Здраствуйте милые мои родители Тятя и Хресна и милая жена Ан[на] Ал[ексеевна] и милые детки Вася, Паша, Сано, Коля и Евгений во первых строках шлю я вам свое глубочайшее почтение и с любовью низжайший поклон, а так же даю свое родительское благословение и милым моим детям, за тем извещаю я вас, что мы проехали г[орода] Орлов^{III} и Киев и едем далее на границу, предполагаем числа 10-го Августа вступить в бой, но я нисколько не боюсь и не страшусь со мной Господь Бог нужно же кому нибудь защищать Веру православную, свою родину, и царя Батюшка. И вас прошу не жалеть и не плакать обомне, я нисколько сейчас не дорожу собой, а только забочусь о вас что-бы вы жили мирно и не ссорились, а молились Господу Богу за меня, во первых ты Ан[на] Ал[ексеевна] не притесняй Тятю и Хресну, и ты Тятя и Хресна тоже не притесняйте как Анну, так же и детей моих милых ведь сами знаете, что дитя криво, а отцу матери все мило, и ты Ан[на] Алек[сеевна] не давай робятам воли, чтобы они слушали дедушка, Хресну и так же чтобы не обидели большие ребята маленьких например Сана, Колю а так же и Евгения, а живите не ссорьтесь и молитесь Господу Богу воедино

¹⁾ Имеется в виду либо Батуев Петр, либо Андрианов Петр, уроженцы с. Мокино Пермского уезда Пермской губернии.

^{II} Фастов – город на территории Сквирского уезда Киевской губернии, ныне районный центр Киевской области Украины.

^{III} Очевидно, имеется в виду Орел.

Конверт из-под письма М.С. Осиновских. Не ранее 8 августа 1914 г.
ГАПК. Ф. Р-1601. Оп. 1. Д. 5. Л. 10

сердце а Колю осенью Ан[на] Ал[ексеевна] лечи у докторов, ведь он маленький сейчас, а после вырастет большой будет на нас бедняк, за тем живите так как Бог благословит и детей Ан[на] Ал[ексеевна] не морите и посылайте Васю и Пашу в Церковь чтобы они ходили каждую утреню и обедню, за тем извещаю что в Киеве были 8-го Августа то есть 10 суток на 11-е как отправились из г[орода] Перми, едем очень скоро больше двух часов не стоим не где, в если и стоим 2 часа то выходим на занятия. Еще поприметьте я дома **за две недели до отправки видел сон наверно не сказывал вам, что будто война и меня убили а пробудился ничего нет.** Ох как обрадовался, а потом видел в вагоне уже во сне будто мне обе руки по кистям отрубили, збудутся эти сны или нет. Люди там живут очень плохо, у нас Ан[на] Ал[ексеевна] жить это царство не житье, за тем здравствуйте и прощайте быть может на всегда последнее прощальное письмо целую за очно несколько раз.

Извините Ан[на] Ал[ексеевна] за мое последнее наставление и помните его не забывайте. Письмо пишем на ходу в вагонах и очень трясет, сейчас те люди только что солдаты, поклонитесь всем родным и знакомым писать некогда и Петру Яковлевичу. Писал 8 августа когда выехали из г[орода] Киева³⁾.

¹⁾ Заголовок публикаторов.

²⁾ Место и дата приводятся по штампу на конверте (Л. 10).

³⁾ Текст последнего абзаца вписан сверху над основным текстом письма, образуя скрепы: *Извините Ан[на] Ал[ексеевна] за мое последнее наставление и помните его не забывайте* (Л. 8). *Письмо пишем на ходу в вагонах и очень трясет, сейчас те люди только что солдаты* (Л. 8 об.), *поклонитесь всем родным и знакомым писать некогда и Петру Яковлевичу* (Л. 9). *Писал 8 августа когда выехали из г. Киева* (Л. 9 об.).

**№ 5. Письмо М.С. Осиновских родным¹⁾.
Б/м, после 8 августа 1914 г.²⁾**

Здравствуйте! Дорогие мои родители Тятя и Хресна и Ан[на] Ал[ексеевна] и милые дети Вася, Паша, Сано, Коля и Женя кланяюсь вам по низкому поклону остаюсь жив и здоров читайте письмо Александра Григорьевича Хохря[кова] писать мне некогда, а мы с ним вместе едим и спим, находимся за границей, пишете³⁾ прошение на счет помощества¹ Губернатору¹¹ а мне писать некогда. До свиданья.

ГАПК. Ф. Р-1601. Оп. 1. Д. 5. Л. 11. Подлинник. Рукопись.

¹⁾ Заголовок публикаторов.

²⁾ Место установить не удалось, дата приводится по другим документам дела.

³⁾ Перед *пишете* вычеркнуто *или*.

---

¹ Очевидно, имеется в виду прошение о получении казенного пайка, полагавшегося семьям призванных на войну. Государственная денежная помощь семьям «нижних чинов запаса и ратников ополчения» давалась на основании закона от 25 июля 1912 г. Казенным пособием пользовались жена и дети призванного, а также отец, мать, дед, бабушка, братья и сестры. Размер пособия на одного члена семьи определялся из расчета стоимости 1 пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, фунта постного масла. Дети до пяти лет получали половину стоимости пайка, а достигшие 17 лет сыновья и не вышедшие замуж дочери должны были доказать свою нетрудоспособность. Пособие назначалось с момента отправки мобилизованного на фронт, но фактически первая выдача осуществлялась только после обследования состава семьи. Последнее обстоятельство затягивало сроки начала выдачи пособий, особенно семьям, проживавшим в отдаленных от уездного центра деревнях. Выдача денежных пособий производилась на селе в волостных правлениях, в городе – в городской управе. Кроме казенного пособия, солдатским семьям ежемесячно могли выдаваться денежные пособия на наем квартир, вывозку дров, сена и пр. как дополнение к казенному пайку. (см.: Хрусталева М.Ю. Новгородская губерния в годы Первой мировой войны // Великая и забытая: Материалы научной конференции / ред.-сост. К.А. Пахалюк. Калининград; Гусев, 2012. С. 68–72).

¹¹ Имеется в виду губернатор Пермской губернии, до 11 августа 1914 г. И.Ф. Кошко (1859–1927), затем М.А. Лозина-Лозинский (1864–1921).

Обоз. Галиция, не позднее 1917 г.
Фото П.В. Сюзева. ПКМ. НВ-5881-57

В лесу близ Канева. Галиция, не ранее 1917 г.
Фото П.В. Сюзева. ПКМ. НВ-5881-141

Юго-Западный фронт (Галиция), 1915–1917 гг.

Из коллекции П. В. Сюзева *

П.В. Сюзев на неизвестном хуторе. Галиция, 1915 г. Фото неизв. ПКМ. НВ-5881-4

* Сюзев Павел Васильевич (1867–1928) – участник Первой мировой войны, исследователь флоры Урала, профессор Пермского государственного университета (1924). Родился в семье бывшего крепостного крестьянина графов Строгановых в с. Ильинском Камышловского уезда Пермской губернии. В 1887 г. окончил Алексеевское реальное училище в Перми. Затем работал в ботанической лаборатории Московского университета. 17 января 1891 г. поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду. 9 марта 1891 г. переведен во 2-ю резервную артиллерийскую бригаду. Бомбардир (1891), младший фейерверкер (1892). 30 сентября 1892 г. уволен в запас, 31 октября 1892 г. произведен в прапорщики запаса.

С началом русско-японской войны 1 июня 1904 г. призван по мобилизации в 74-ю артиллерийскую бригаду. 31 января 1905 г. переведен в 30-ю артиллерийскую бригаду. Уволен в запас 3 мая 1906 г. 21 марта 1907 г. уволен от службы. До 1914 г. – практикант по лесоводству и лесохозяйству, помощник Ильинского окружного лесничего в Пермском нераздельном имении графа С.А. Строганова. Одновременно состоял членом правления Очерского заводского округа и Добрянской заводской конторы.

С началом Первой мировой войны мобилизован (1914). 17 ноября 1914 г. назначен командиром 51-й саперной полуроты государственного ополчения с переименованием в зауряд-штабс-капитаны (15 марта 1916 г. полурота развернута в 76-ю отдельную саперную роту). С 1917 г. работал в Пермском университете младшим ассистентом на кафедре зоологии беспозвоночных, младшим ассистентом и преподавателем кафедры ботаники физико-математического факультета.

После эвакуации Пермского университета в 1919 г. преподавал в Томском университете, одновременно являлся старшим ассистентом Института исследования Сибири. Возвратившись в Пермь в 1921 г., продолжил работу в Пермском университете вплоть до выхода на пенсию в 1925 г. Активно участвовал в общественной и общественно-научной жизни Перми и Урала, будучи членом Пермского благородного собрания (1901), Пермского отдела РОКК (1902), попечителем Ильинской женской школы грамоты (1902–1903), членом Пермской губернской архивной ученой комиссии (1912), Пермского общества естествоиспытателей, научно-промышленного музея и общества краеведения, членом-корреспондентом (1889), действительным членом (1913), а затем и почетным пожизненным действительным членом Уральского общества любителей естествознания (1923), почетным председателем Пермского отделения Русского государственного ботанического общества при АН СССР.

В группе офицеров 6-го саперного великого князя Николая Николаевича старшего батальона в с. Кудринцы. Галиция, июль 1915 г. Фото неизв. ПКМ. НВ-5881-2

В группе офицеров 6-го саперного великого князя Николая Николаевича старшего батальона в с. Кудринцы. Галиция, июль 1915 г. Фото неизв. ПКМ. НВ-5881-29

П.В. Сюезев на неизвестном хуторе. Галиция, 1915 г.
Фото неизв. ПКМ. НВ-5881-1

Среди местного населения в с. Кудринцы. Галиция, 1915 г.
Фото неизв. ПКМ. НВ-5881-5